

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО / CIVIL LAW

УДК 347.5:340.1

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.11.2017.4.136-145>

В. Р. АБДУЛВАГАПОВ¹

¹ Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИУЭП), г. Казань, Россия

СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ВИНА»

Цель: выделение этапов формирования учения о вине как условия гражданско-правовой ответственности.

Методы: историко-правовой, логический, сравнительно-правовой, системно-структурный, формально-правовой.

Результаты: в статье показаны различные подходы к определению понятия «вина» как условию гражданско-правовой ответственности, выделены три периода становления понятия «вина»: римский период (римское частное право), дореволюционный период (российское дореволюционное право) и советский период (советское право). Доказано, что римская юриспруденция посредством казусов смогла выработать основной понятийный аппарат института частноправовой ответственности, а также принципы определения вины как основного критерия такой ответственности. Обосновано, что последующее развитие цивилистической науки и гражданского законодательства в России свидетельствует о заимствовании общих принципов римского права относительно гражданско-правовой ответственности и вины как ее условия. Показано, что в советский период гражданско-правовое понятие «вина» развивалось в условиях отрицательного отношения ко многим положениям науки частного права, разработанным в дореволюционный период.

Научная новизна: в статье впервые на основе использования комплекса общенаучных методов выделены и сформированы три этапа становления учения о вине как условия гражданско-правовой ответственности.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов о сущности и становлении понятия «вина» как условия гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: гражданское право; римское право; вина; гражданско-правовая ответственность

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Как цитировать статью: Абдулвагапов В. Р. Становление понятия «вина» // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11, № 4. С. 136–145. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.11.2017.4.136-145>

V. R. ABDULVAGAPOV¹

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russia

DEVELOPMENT OF “GUILT” NOTION

Objective: to study the concept and essence of the institute of guilt in private law, its formation and development, as well as the allocation of stages in the formation of the doctrine of guilt as a precondition of civil liability.

Methods: dialectic approach to cognition of social phenomena, enabling to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors that determined the choice of the following research methods: historical-legal, comparative-legal, systemic, systemic-structural, and formal-legal.

Results: the article shows different approaches to the definition of guilt as a condition of civil liability; three periods of the “guilt” concept development are allocated: the Roman period (Roman private law), the pre-revolutionary period (Russian pre-revolutionary law) and the Soviet period (Soviet law). It is proved that the Roman law, by means of cases, managed to develop the basic conceptual apparatus of the institute of private legal liability, as well as principles of determining guilt as a fundamental criterion for such liability. It is proved that the subsequent development of civil science and civil legislation in Russia testifies to the borrowing of the Roman law general principles regarding civil liability, and guilt as its condition. It is shown that in the Soviet period, the civil-legal concept of guilt evolved under the negative attitude to many provisions of the science of private law, developed in the pre-revolutionary period. Analysis of Chapter 25 of the Civil Code of the Russian Federation and, first and foremost, of Article 401 of the Civil Code of the Russian Federation, indicates that both the current state of the civil guilt doctrine and the legal definition of this category are based on the conceptual apparatus developed during many centuries.

Scientific novelty: for the first time in the article, basing on the use of complex scientific methods, the concept and essence of the institute of guilt in private law are analyzed; three stages of the guilt doctrine formation are allocated and formed, as a precondition of civil-legal liability.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in research and teaching when addressing the issues of the nature and formation of the “guilt” concept as a precondition of civil-legal liability.

Keywords: Private law; Civil law; Roman law; Guilt; Forms of guilt; Civil-legal liability

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

For citation: Abdulvagapov V. R. Development of “guilt” notion, *Actual Problems of Economics and Law*, 2017, vol. 11, No. 4, pp. 136–145 (in Russ.). DOI: [http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.11.2017.4.136–145](http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.11.2017.4.136-145)

Введение

Рассмотрение проблематики, связанной с виной как условием гражданско-правовой ответственности, невозможно без определения исходных положений об институте вины в гражданском праве. С целью получения системных познаний, выработки общей направленности собственных взглядов в поставленном вопросе, комплекса ключевых положений, сформированных в качестве научных выводов, думаем начать наше изыскание с исходных позиций, выработанных в гражданском праве к определению понятия вины. В этой связи задачей настоящей статьи является установление концептуальных подходов к определению вины как условия гражданско-правовой ответственности.

Решение поставленной задачи мы думаем начать с анализа положений о вине, сформированных еще в римском частном праве, поскольку истоки учения о вине и его правовое закрепление можно найти уже в праве Древнего Рима.

Результаты исследования

Характеризуя понятие категории «вина», следует сразу оговориться, что ее трактовка, в первую очередь с позиции римского частного права, была связана

с исполнением обязательств. Как определял Гай, «каждое обязательство возникает или из договора, или из правонарушения» (3.88 «Институций» Гая) [1, с. 98], т. е., выражаясь современной юридической терминологией, обязательства дифференцировались на договорные и внедоговорные. Основным видом внедоговорного обязательства являлся частный деликт и его разновидности. Таким образом, категория «вина» выделялась и в договорных обязательствах, и в деликтных. Деликтные обязательства более древние по сравнению с контрактными, и в основе их лежит совершение неправомерного действия, направленного на причинение вреда. Поэтому вопрос о вине в деликтных обязательствах был связан с определением умысла деликвента, т. е. когда лицо, совершившее деликт, предвидело последствия неправомерного действия и желало такого последствия. Однако большую сложность представляло собой понятие вины, связанное с договорными обязательствами вследствие их неисполнения или ненадлежащего исполнения хозяйствующими субъектами римского частного права.

Определение вины в договорных обязательствах имеет особое значение в римском праве, ибо в зависимости от степени вины определялись границы ответ-

ственности должника за неисполнение обязательства, а также характер возмещения убытков.

В древний доклассический период ответственность должника за неисполнение контракта, признанного гражданским римским правом, определялась объективно, т. е. должник должен был возместить ущерб без учета и представления доказательств того, по какой причине не было выполнено данное обязательство: по вине должника или под действием непреодолимой силы [2, с. 213].

Постепенно, по мере усложнения хозяйственного оборота, развития экономики и торговли, повышения роли претора и развития преторского права в классическом римском праве все большую популярность стали приобретать контракты *bonae fidei* (договоры доброй совести). Эти договоры принципиально отличались от привычных контрактов гражданского права, и их исполнение было основано на доброй совести контрагентов, особой заботливости о надлежащем исполнении. Постепенно некоторым таким контрактам, в интересах развития хозяйственной деятельности, претор стал предоставлять исковую защиту. Вместе с тем правовая природа договоров доброй совести требовала уже иного подхода к расследованию фактов заключения договора контрагентами от судьи. В каждом случае судья должен был выяснить такие вопросы, как: была ли при заключении договора достигнута *causa* (правовая цель), не было ли при заключении договора обмана (*dolus*), принуждения (*vis ac metus*) или заблуждения и пр. По этой причине классическое римское право стояло на позиции того, что должник обязан возместить ущерб лишь в том случае, если будет установлено, что ущерб был нанесен кредитору вследствие неисполнения или недолжного исполнения prestationi по вине самого должника. Таким образом, «принципы объективной ответственности постепенно были заменены принципами субъективной ответственности должника» [2, с. 213].

В этой связи следует признать справедливым высказывание М. Х. Гарсиа Гарридо о том, что, хотя римская юриспруденция и располагала «богатой казуистикой» определения вины, в праве классического периода не сложилось единых принципов и правил ее определения [3, с. 557]. Причиной этого, по мнению М. Х. Гарсиа Гарридо, является характерное для того периода многообразие критериев определения степени вины [3, с. 557].

Тем не менее по общему правилу «под виной понималось несоблюдение того поведения, которое требуется правом» [4, с. 349]. Признаем, что данная дефиниция подпадает как под определение вины в договорных обязательствах, так и в деликтах. Поэтому, как отмечается в юридической литературе, в римском праве категория «вина» применялась в широком смысле и дифференцировалась на два вида:

(1) умысел – когда должник осознает правовые последствия своих действий (бездействий) и желает их наступления;

(2) небрежность – когда должник не смог предвидеть правовые последствия своих действий, хотя и должен был [4, с. 349].

Характеризуя умысел, римские юристы обращали внимание на то, что для определения ответственности за действия, совершенные с умыслом, необходимо установить, что в совершенном действии была не небрежность, а злой умысел. Сервий злой умысел определял как «некоторую хитрость для введения другого в обман, когда притворная видимость – одно, а делается другое» [5, с. 433]. Лабейон же справедливо говорит, что «можно и без притворства действовать таким образом, что кого-нибудь обходят, можно и без злого умысла делать одно и создавать притворную видимость другого: так действуют те, кто путем такого притворства удерживают и охраняют или свое, или чужое» [5, с. 433]. Поэтому с позиции Лабейона, «злой умысел – это есть лукавство, обман, хитрость, совершенные для того, чтобы обойти, обмануть, опутать другого» [5, с. 433]. В одиннадцатой книге «Комментария к эдикту» Ульпиан поддерживает мнение Лабейона. Как видно из приведенных фрагментов, римские юристы, характеризуя вину в виде злого умысла, связывали ее в первую очередь с обязательствами из деликтов. Однако применительно к договорам под злым умыслом следовало понимать осознанные намеренные действия должника, в результате которых исполнение договора становится невозможным.

Что касается вины в виде небрежности, то она была, как правило, связана с проявлением меньшей заботы об исполнении обязательств из договора. В этой связи постепенно в классическом римском праве было выработано понятие «договорной вины», под которой принято было понимать «отсутствие надлежащей заботы или старательности при исполнении контрактов» [3, с. 556]. Причем вина в смысле небрежности могла

иметь место и при совершении какого-либо действия, и при бездействии, и в случае просрочки исполнения. Как справедливо заключает М. Х. Гарсиа Гарридо, «виновен тот, кто либо ведет себя не так, как того требует добрая совесть, либо не проявляет должной меры заботливости, свойственной добросовестному *paterfamilia*» [3, с. 557].

Следует отметить интересную закономерность, выявленную нами при анализе «Институций» Гая: римская юриспруденция, определяя ответственность за неисполнение, ненадлежащее исполнение обязательства или его просрочку, устанавливала степень вины. Однако в зависимости от обязательственной престации ответственность имела свои особенности. Так, например, Гай раскрывает такой вид ответственности на примере случаев, когда ссудополучатель, сукновал, портной несут ответственность за хищение переданной им вещи (3.205, 3.206 «Институций» Гая) [1, с. 115–116]. Или, Гай определял, что «тот, который принял вещь в поклажу, не отвечает за вред и убытки, а подлежит ответственности только за то, что он сделал злоумышленно» (3.207 «Институций» Гая) [1, с. 116].

Между тем римское право предусматривало и случаи освобождения должника от ответственности, в частности, ввиду риска гибели вещи, когда отсутствует чья-либо в этом вина или ввиду непреодолимой («божественной») силы. Так, классическим примером освобождения от ответственности ввиду отсутствия вины является пример, когда с крыши ветром снесло черепицы, которые нанесли ущерб соседу. В соответствии с «Дигестами» ответственность домовладельца, с крыши которого слетела черепица, могла наступить только в том случае, если будет установлено, что это произошло только ввиду «божественной силы» (стихии), а не вследствие недостатков здания. Если говорить о риске гибели вещи, то его нес, как правило, собственник вещи или лицо, связанное обязанностью возврата вещи по договору. Здесь уместно провести аналогию со ст. 211 ГК РФ, предусматривающей, что риск случайной гибели или случайного повреждения имущества несет его собственник, если иное не предусмотрено законом или договором.

Вина как условие частноправовой ответственности зависела от степени (тяжести). В римском праве выделяли такую тяжесть вины, в частности, как грубая вина, грубая небрежность, а также легкая вина в виде

небрежности или неосторожности. Грубая вина приравнивалась к умыслу.

Таким образом, вывод о становлении института вины как условия гражданско-правовой ответственности на этапе формирования римского частного права очевиден. Римская юриспруденция посредством казусов, смогла выработать основной понятийный аппарат института частноправовой ответственности и принципы определения вины как основного критерия этой ответственности. Последующее развитие цивилистической науки и гражданского законодательства, по крайней мере в России, свидетельствует о заимствовании общих принципов и понятий касательно вины и частноправовой ответственности, выработанных на протяжении VIII в. римским частным правом, и их совершенствовании путем приспособления к современным условиям.

Также можно сказать и о том, что уже в римском частном праве была намечена тенденция дифференциации вины как условия частноправовой ответственности на два вида: договорную и внедоговорную.

Для выработки системного познания о вине как условии гражданско-правовой ответственности современного субъекта гражданского оборота имеют важное значение еще два исторических этапа формирования российской юриспруденции: дореволюционный и советский периоды развития гражданского права.

Итак, отметим, что проблематика определения вины как условия гражданско-правовой ответственности в дореволюционной России освещается достаточно скудно. Одним из обоснований этого является несовершенство гражданского законодательства, на что неоднократно указывали правоведы того периода [6, с. 497–507].

При анализе норм Свода гражданских законов Российской империи [7] (далее – Свод законов) можно сделать определенный вывод о том, что данный акт не содержит самостоятельной нормы, посвященной определению вины. В гл. 6 т. X «О праве вознаграждения за понесенные вред и убытки» Свода законов содержатся лишь общие положения об гражданско-правовой ответственности. В частности, ст. 574 Свода законов предусматривала следующие общие правила: (1) никто не может быть без суда лишен прав, ему принадлежащих; (2) всякий ущерб в имуществе, а также причинение кому-либо вреда и убытков налагают обязанность доставлять и производить право

требовать вознаграждения. Статья 693 Свода Законов конкретизирует правила ст. 574 применительно к обязательствам, устанавливая, что в случае неисполнения договоров и обязательств, а также в случае обиды, ущерба и убытков необходимо искать удовлетворения и вознаграждения посредством суда. Исходя из положений гл. 6 т. X Свода законов можно заключить, что в дореволюционном законодательстве было три категории правонарушений, вследствие которых наступала гражданско-правовая ответственность: (1) недобросовестное завладение чужим имуществом; (2) причинение вреда и ущерба преступлением или проступком; (3) причинение ущерба неисполнением договора и обязательства, не признанного преступлением или проступком. И если общие положения о гражданско-правовой ответственности не содержали понятия категории «вины», то нормы, посвященные отдельным видам обязательств, явно свидетельствуют о том, что законодатель стоял на позиции того, что вина является основным условием наступления ответственности.

И. М. Тютрюмов приводит мнение своего современника Т. М. Яблочкова, определяющего, что «основой понятия вины должно быть признано поведение доброго хозяина: а) блюдущего свои интересы, б) рачительного в полном и добросовестном соблюдении границ своего права, с) заботящегося о безупречном *modus vivendi* в пределах своего домашнего очага или в кругу своей хозяйственной и юридической деятельности. Итак, обязанность к приложению рачительности, внимания идентична с обязанностью избегать предвидимые вредоносные явления независимо от того, чье право нарушено: свое или чужое. Поэтому всякий должен предотвращать возможные убытки от своей сферы, хотя бы эти убытки шли извне. Иначе он – *in culpa!* Тем самым мы устанавливаем единое понятие вины – общее и для технической вины, и для собственной вины потерпевшего: в своей материальной сущности вина есть упречное отношение поведения лица к известному нежелательному событию» [8].

Особое внимание исследуемой проблематике в дореволюционном гражданском праве уделял Д. И. Мейер. Рассуждая о юридических действиях, в которых «проявляется гражданская деятельность лиц» [9, с. 243], он выделял среди иных такое, как нарушение права, под которым следует понимать

«юридическое действие, направленное со стороны его автора к стеснению другого лица в осуществлении права» [9, с. 243]. Д. И. Мейер справедливо отмечает, что нарушение права не касается собственно права, поскольку оно «недосягаемо для нарушения, подвергается нарушению только осуществление права, в котором выражается внешнее его проявление» [9, с. 244].

Поскольку в основе любого действия лежит волевое осознание совершаемого поступка, то ответственность за совершение противозаконного действия, направленного на нарушение права, неразрывно связана с установлением вины. В этой связи Д. И. Мейер определял вину как «волю, направленную к совершению противозаконного действия» [9, с. 244]. Характеризуя вину, ученый справедливо представлял ее в виде умысла (преднамеренного определения воли к действию) и неосторожности (ненамеренного направления воли к действию). Причем Д. И. Мейер отмечал, что «неосторожность» сложна по своей конструкции и различается степенью проявления неосторожности в виде: грубой неосторожности, т. е. тяжелой вины, или легкой неосторожности – легкой вины, а потому право нарушается только действием как произведением воли другого лица (умышленное или совершенное по неосторожности), а действие случайное не составляет нарушения права и не влечет за собой и тех последствий, которые сопряжены с противозаконными действиями [9, с. 244]. Поэтому, делает вывод Д. И. Мейер, «действие, причиняющее ущерб другому лицу, принимается за нарушение права, пока не будет доказано, что действие совершено случайно или что это вовсе не действие, а только случайное происшествие» [9, с. 245]. Правовыми последствиями для лица, нарушившего права, по гражданскому российскому дореволюционному законодательству являлись возмещение убытков, которые были нанесены правонарушением, а также имущественное лишение в виде пени или штрафа [9, с. 245]. Но для определения характера ответственности необходимо было установление вины и ее степени.

Интересны рассуждения Г. Ф. Шершеневича о материи, нами исследуемой. Совершенно справедливо ученый отмечал то, что вина и ответственность по своей смысловой нагрузке не идентичные понятия, поскольку ответственность есть следствие вины, но в то же время ответственность, как обязанность возмещения вреда, мыслима и без вины [10].

Под виной Г. Ф. Шершеневич понимал «состояние сознательной воли человека, который намеренно или неосмотрительно совершает действие, направленное на фактический результат, противный закону» [10]. Следует признать, что некоторые авторы – исследователи рассматриваемой нами проблематики отмечают несовершенство данного определения ввиду того, что (1) данную дефиницию Г. Ф. Шершеневич применил не ко всем субъектам гражданского права, а лишь к «человеку»; (2) в нем идет речь лишь о «действии», тогда как правильнее говорить как о действии, так и бездействии [11]. Вместе с тем, несмотря на указанные недостатки, надлежит признать справедливость данного определения о правовой сущности категории «вина».

Вместе с тем несовершенно было применение категории «вина» применительно к ответственности по обязательствам из договора, что для нас представляет наибольший интерес, поскольку субъекты торговых отношений, а также иной хозяйственной деятельности в первую очередь вступали в отношения именно такого рода. В этой связи в среде правоведов-цивилистов того времени велась научная полемика относительно понятия вины должника в неисполнении обязательства и влияния факторов, связанных с наличием или отсутствием вины. Исходом многочисленных дискуссий на этот счет стало появление в проекте Гражданского Уложения Российской Империи ст. 1650, предусматривающей правило о том, что должник отвечает за убытки, причиненные верителю неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, если не докажет, что исполнение обязательства вполне или в части сделалось невозможным вследствие такого события, которого он, должник, не мог ни предвидеть, ни предотвратить при той осмотрительности, какая требовалась от него по исполнению обязательства (случайное событие) [12]. Однако Гражданское Уложение так и не вступило в свою правовую силу.

Таким образом, исследование дореволюционного периода нормативного закрепления и формирования учения о вине как условия гражданско-правовой ответственности позволяет нам сделать вывод о том, что: (1) сформированные в римском праве основные принципы частноправового учения о вине получили свое развитие, с учетом особенностей формирования отечественной экономики, в русском гражданском

праве; (2) по сути, русские цивилисты стояли на такой же позиции, что и римские юристы, дифференцируя вину, возникающую при совершении гражданского правонарушения, и вину, возникающую вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства (договора).

Третий период в формировании системных знаний о вине как условия гражданско-правовой ответственности – это советский период развития исследуемой проблематики. С образованием нового Советского государства перед цивилистами как и иными учеными советской правовой науки была поставлена сложная задача – создать новую советскую науку гражданского права, в основе которой лежало отрицание частного права, а вместе с этим и отрицание устоявшихся традиций дореволюционного гражданского права. По сути, наука гражданского права зарождалась вновь. Параллельно развивалось учение и о вине как условия гражданско-правовой ответственности.

По общему представлению в науке советского гражданского права под виной понималось «психическое отношение лица к своему противоправному поведению и его результатам» [13, с. 461]. Вместе с тем О. С. Иоффе в своих трудах при комментировании основных начал гражданской ответственности отмечал, что уже при разработке Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. дискуссионным являлся вопрос о том, что «лежит в основе ответственности по советскому гражданскому праву – принцип вины или принцип причинения» [13, с. 461]. Изначально преобладающее положение занимал принцип причинения¹, а не вины, поскольку «для ответственности не требуется ни умысла, ни неосторожности, и возлагается она в виде санкции за объективную связь вреда с деятельностью причинившего вред» [15, с. 576]. С учетом особенностей развития социалистической экономики следует признать, что такой тезис соответствовал духу советского гражданского права, а принцип безвиновной ответственности занимал превалирующее место.

Справедливости ради следует отметить, что постепенно была сформирована и иная, полярная, позиция. Странники этой точки зрения твердо стояли на том,

¹ Одним из последователей теории причинения являлся А. Г. Гойхбарг [14].

что основным принципом регулирования гражданской ответственности является принцип вины². Однако, как отмечает О. И. Иоффе, до второй половины 30-х годов, стройного учения приверженцы данной теории так и не выработали, ограничиваясь фрагментарными высказываниями отдельных ученых [19, с. 488].

Одним из первых правоведов, предпринявших попытку дать дефиницию гражданской вины, был Х. И. Шварц, который определил ее как «несоблюдение заботливости, предписываемой законами социалистического общества, его обычаями и правилами социалистического общежития» [17, с. 35]. Вместе с тем О. С. Иоффе справедливо отмечает, что такое понимание вины необъективно и подпадает лишь под неосторожную вину, конструируемую по объективному критерию [19 с. 491]. М. М. Агарков под виной понимал умысел или неосторожность лица, обусловившие совершенное им противоправное действие [20, с. 322]. Сам же О. С. Иоффе определяет, что вина является актом сознательного поведения и включает осознание двух существенных для ее характеристики моментов: (1) виновность предполагает осознание естественной связи между действием или воздержанием от него и возможными последствиями; (2) виновность предполагает осознание общественной значимости совершенных действий (или воздержания от них) и их результата [13]. Однако в отдельных случаях, предусмотренных законом, О. С. Иоффе отмечал, что гражданская ответственность могла наступить и без вины правонарушителя. В дальнейшем обоснованное мнение ученого получило распространение как концепция «вины с исключением» [21, с. 258]. В. П. Грибанов гражданскую вину характеризовал как психическое отношение лица к своему противоправному поведению, недопустимому как с точки зрения закона, так и с моральных принципов нашего общества [22, с. 338–339].

Приведенные выше точки зрения, бесспорно, заслуживают интереса и внимания. Причем в чем-то они сходятся, дополняя друг друга, в чем-то расходятся. Вместе с тем, по сути, общим для них является то, что в большинстве случаев данные дефиниции осно-

ваны на психическом отношении субъекта к своим действиям. Тем не менее в рамках предмета нашего исследования следует признать, что такое восприятие является недостаточно полным, поскольку сегодня помимо индивидуальных предпринимателей, субъектами предпринимательских отношений являются и юридические лица. В рамках господствующей в тот период теории коллектива, обосновывающей правовую природу юридических лиц, вина юридического лица рассматривалась «как допущенная в связи с осуществляемыми трудовыми функциями вина его работников» [19, с. 498]. То есть суть понимания данной трактовки состоит в том, что противоправные действия работника, состоящего в трудовых отношениях, следует рассматривать как виновные действия самого юридического лица.

В заключение отметим, что советская цивилистическая школа, хотя и уделяла большее внимание исследованию вины вследствие причинения вреда, признавала, что вина, являясь условием гражданско-правовой ответственности, возможна как в обязательствах из деликтов, так и из договора.

Выводы

Таким образом, нами были рассмотрены исторические аспекты законодательного и теоретического становления основных положений о вине как условии гражданско-правовой ответственности. Анализ гл. 25 Гражданского кодекса РФ³, и в первую очередь ст. 401 ГК РФ, свидетельствует, что современное состояние учения о гражданской вине и законодательное закрепление данной категории базируются на понятийном аппарате, выработанном многими столетиями. И если в советский период правоведы конструкцию понятия вины пытались создать с точки зрения социалистического уклада жизни, то позиция современных ученых и законодателя строится на рецепировании трудов римских юристов и дореволюционной российской цивилистической школы с учетом современного состояния гражданского оборота. С учетом сказанного целесообразно выделить три исторически сложившихся этапа в формировании учения о вине

² В частности, к таким ученым можно отнести: С. И. Асканзий [16], М. М. Агарков, Х. И. Шварц [17], О. А. Красавчиков [18], О. С. Иоффе и пр.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая, третья, четвертая) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 1996. № 5. Ст. 410; 2001. № 49. Ст. 4553; 2006. № 52 (Часть I). Ст. 5496.

как условия гражданско-правовой ответственности: древнейший (*начальный, римский*) – период развития римского частного права; дореволюционный – период развития гражданского права Российской империи и советский. Условно выделяемый четвертый этап начал свое действие с принятия части I Гражданского кодекса РФ. Выделение и исследование указанных

выше этапов развития гражданско-правового понятия «вина» создает необходимые предпосылки для дальнейшего развития учения о вине в современном гражданском праве России, а также имеет значение для повышения эффективности гражданско-правовой ответственности участников соответствующих общественных отношений.

Список литературы

1. Памятники римского права: Законы 12 таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997. 608 с.
2. Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право: (базовый учебник): пер. с македонского д. ю. н. проф. В. А. Томсинова и Ю. В. Филиппова / под ред. проф. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2000. 448 с.
3. Гарсия Гарридо М. Х. Римское частное право: Казусы, иски, институты: пер. с испанского; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2005. 812 с.
4. Римское частное право: учебник / под ред. проф. И. Б. Новицкого и проф. И. С. Перетерского. М.: Юрист, 1994. 544 с.
5. Дигесты Юстиниана. Т. I. Книги I–IV / пер. с латинского; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2002. 584 с.
6. Пахман С. А. История кодификации гражданского права / под ред. и с пред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. 872 с. (Серия «Русское юридическое наследие»).
7. Свод законов Российской империи. Т. X.: издание неофициальное / под ред. и с примеч. И. Д. Мордухай-Болтовского; сост. Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг. [сайт]: Классика российского права. Проект компании «Консультант Плюс» при поддержке изд. «Статут» и юридической научной библиотеки изд. «Спарк». URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/387.html#img388> (дата обращения: 27.10.2016).
8. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов / сост. И. М. Тютрюмов. Кн. 2. М.: Статут, 2004. 603 с. (Классика российской цивилистики) – [сайт]: Классика российского права. Проект компании «Консультант Плюс» при поддержке издательства «Статут» и юридической научной библиотеки издательства «Спарк». URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/34/page_42.html#47 (дата обращения: 15.11.2016).
9. Мейер Д. И. Русское гражданское право (в 2 ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 3-е, испр. М.: Статут, 2003. 831 с. (Серия «Классика российской цивилистики»).
10. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Т. 1–2, в 4 вып. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1910–1912. 805 с. – [сайт]: Юридический виртуальный клуб «Ex jure» – ваш компас в мире юриспруденции. URL: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=243> (дата обращения: 21.11.2016).
11. Бутенко Е. В. Вина в нарушении договорных обязательств: автореф. дисс. ... канд. юрид. н. Краснодар, 2002. 23 с.
12. Кодификация российского гражданского права: Свод законов гражданских Российской Империи, Проект Гражданского уложения Российской Империи, Гражданский кодекс РСФСР 1922 года, Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. Екатеринбург: Издательство института частного права, 2003. 928 с.
13. Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. 880 с. [сайт]: URL: <https://refdb.ru/look/1383075-pall.html> (дата обращения: 27.12.2016).
14. Гойхбарг А. Г. Хозяйственное право РСФСР: Гражданский кодекс. Т. 1. 3-е изд., испр. и доп. М.: Госиздат, 1924. 269 с.
15. Гражданский кодекс советских республик. Текст и практический комментарий. / [М. В. Гордон и др.]; под ред. А. Л. Малицкого. Изд. 3-е, испр. и доп. Харьков: Юридическое изд-во НКЮ УССР, 1927. 774 с.
16. Аскназий С. И. Очерки хозяйственного права СССР. Л.: Прибой, 1926. 200 с.
17. Агарков М. М., Шварц Х. И. Значение вины в обязательствах из причинения вреда. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 64 с.
18. Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М.: Юридическая литература, 1966. 200 с.
19. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика «теории хозяйственного права». М.: Статут, 2000. 777 с. (Серия «Классика российской цивилистики»).
20. Гражданское право: учебник. Т. 1 / М. М. Агарков, С. Н. Братусь, Д. М. Генкин, В. И. Серебровский и др.; под ред. М. М. Агарков, Д. М. Генкин. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. 419 с.

21. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2005. 494 с. (Серия «Классика российской цивилистики»).

22. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. Изд. 2-е, стереотип. М.: Статут, 2001. 411 с. (Серия «Классика российской цивилистики»).

References

1. Monuments of Roman law: *Twelve Tables. The Institute of Gaius. Digesta*, Moscow, Zertsalo, 1997, 608 p. (in Russ.).
2. Pukhan I., Polenak-Akimovskaya M. Roman law: basic tutorial, ed. prof. V. A. Tomsinov, Moscow, Zertsalo, 2000. 448 p. (in Russ.).
3. Garsiya Garrido M. Kh. Roman private law: Cases, suits, institutions, ed. L. L. Kofanov, Moscow, Statut, 2005, 812 p. (in Russ.).
4. Roman private law, ed. prof. I. B. Novitskiy, I. S. Pereterskiy, Moscow, Yurist, 1994, 544 p. (in Russ.).
5. *Digesta*. Vol. I, Books I–IV, ed. L. L. Kofanov, Moscow, Statut, 2002, 584 p. (in Russ.).
6. Pakhman S. A. *History of civil law codification*, ed. V. A. Tomsinov, Moscow, Zertsalo, 2004, 872 p. (Ser. "Russkoe yuridicheskoe nasledie") (in Russ.).
7. *Statute book of the Russian Empire*, Vol. X, ed. I. D. Mordukhai-Boltovskiy; compilers N. P. Balkanov, S. S. Voit, V. E. Gertsenberg, available at: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/387.html#img388> (access date: 27.10.2016) (in Russ.).
8. *Civil laws with the interpretations of the Governing Senate and commentaries by Russian lawyers*, compiler I. M. Tyutyumov, book. 2, Moscow, Statut, 2004, 603 p., available at: http://civil.consultant.ru/elib/books/34/page_42.html#47 (access date: 15.11.2016) (in Russ.).
9. Meier D. I. *Russian civil law* (in 2 parts), Moscow, Statut, 2003, 831 s. (Ser. "Klassika rossiiskoi tsivilistiki") (in Russ.).
10. Shershenevich G. F. *General theory of law*, vol. 1–2, in 4 is., Moscow: Izdanie Br. Bashmakovykh, 1910–1912, 805 p., available at: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=243> (access date: 21.11.2016) (in Russ.).
11. Butenko E. V. *Guilt of violation of contractual liabilities*, PhD (Law) thesis, Krasnodar, 2002, 23 p. (in Russ.).
12. *Codification of the Russian civil law: Civil statute book of the Russian Empire, Draft of the Civil Code of the Russian Empire, Civil Code of RSFSR of 1922, Civil Code of RSFSR of 1964*, Ekaterinburg, Izdatel'stvo instituta chastnogo prava, 2003, 928 p. (in Russ.).
13. Ioffe O. S. *Contractual law*, Moscow, Yurid. lit., 1975, 880 p., available at: <https://refdb.ru/look/1383075-pall.html> (access date: 27.12.2016) (in Russ.).
14. Goikhbarg A. G. *Economy law of RSFSR: Civil Code*, vol. 1, Moscow, Gosizdat, 1924, 269 c. (in Russ.).
15. *Civil Code of Soviet Republics. Text and practical commentary*, ed. A. L. Malitskogo, Kharkov, Yuridicheskoe izd-vo NKYu USSR, 1927, 774 p. (in Russ.).
16. Asknazii S. I. *Sketches of the Economy law of the USSR*, Leningrad, Priboi, 1926, 200 p.
17. Agarkov M. M., Shvarts Kh. I. *Significance of guilt in liabilities due to trespass*, Moscow, Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1939, 64 p. (in Russ.).
18. Krasavchikov O. A. Reimbursement of damage incurred by a source of increased danger, Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1966, 200 p. (in Russ.).
19. Ioffe O. S. Selected works on civil law: *From the history of civilistic thought. Civil legal relations. Critique of "theory of Economic Law"*, Moscow, Statut, 2000, 777 p. (Ser. "Klassika rossiiskoi tsivilistiki") (in Russ.).
20. Agarkov M. M., Bratus' S. N., Genkin D. M., Serebrovskii V. I. Et al. *Civil law*, vol. 1, ed. M. M. Agarkov, D. M. Genkin, Moscow, Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1944, 419 p. (in Russ.).
21. Krasavchikov O. A. Categories of the science of *Civil law. Selected works*, in 2 vol., vol. 1, Moscow: Statut, 2005, 494 p. (Ser. "Klassika rossiiskoi tsivilistiki") (in Russ.).
22. Griбанov V. P. Implementation and protection of civil rights, Moscow, Statut, 2001, 411 p. (Ser. "Klassika rossiiskoi tsivilistiki") (in Russ.).

Дата поступления / Received 07.11.2017

Дата принятия в печать / Accepted 18.12.2017

Дата онлайн-размещения / Available online 25.12.2017

© Абдулвагапов В. Р., 2017

© Abdulvagapov V. R., 2017

Информация об авторе

Абдулвагапов Вильнур Ракифович, аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИУЭП); юрист-консульт отдела по правовому обеспечению деятельности Общества и его структурных подразделений Правового управления, ООО «Газпром трансгаз Казань»

Адрес: г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: +7 (843) 231-92-90

E-mail: vilnour@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7637-0380>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/S-8162-2017>

Information about the author

Vilnur R. Abdulvagapov, post-graduate student of the Department of Civil and Business Law, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEMML); legal advisor of Legal Department, "Gazprom Transgaz Kazan" Ltd

Address: 42 Moskovskaya Str., Kazan, tel.: +7 (843) 231-92-90

E-mail: vilnour@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7637-0380>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/S-8162-2017>

ПОЗНАНИЕ

Клёмин, А. В.

Право ВТО, ЕС, ЕАЭС. Понятие, источники, правоспособность : учеб. пособие / А. В. Клёмин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Казань : Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, 2016. – 415 с.

Пособие подготовлено в рамках реализации распоряжения Кабинета Министров РТ № 2473-р «О Плана мероприятий по адаптации отраслей экономики и социальной сферы Республики Татарстан к условиям хозяйствования в рамках Всемирной торговой организации и Таможенного союза на 2013 год» от 31.12.2012 по инициативе Правительства Республики Татарстан. Книга охватывает три международных экономических организации: ВТО, ЕС, ЕАЭС. Именно на них в наибольшей мере сфокусированы внешнеэкономические интересы России. Похожие цели, задачи, общие принципы организации экономического пространства – все это позволяет объединить их изучение в едином учебном курсе. В нем освещаются ключевые вопросы их международной правоспособности. Материал включает в себя историю, структуру, основные понятия, источники и содержание права международных организаций. В сжатом и упрощенном виде изложен как теоретический, так и практический материал о сути и функционировании указанных союзов.

Предназначено для студентов, обучающихся по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» (квалификация (степень) – магистр). Оно окажет немалую помощь в уяснении не всегда простых вопросов устройства и международной правоспособности ВТО, ЕС, ЕАЭС, а также в подготовке к сдаче экзамена.